

«Облака», передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Выпуск 18.03.2014.

Юридическое и правозащитное сообщество в последнее время активно обсуждают инициативу, рожденную в недрах следственного комитета России, о введении в уголовно-процессуальный кодекс понятия «объективная истина». Несмотря на то, что этот термин звучит слишком абстрактно и по-философски, решение вопроса быть или не быть ему в УПК, может очень сильно повлиять на судьбы многих наших сограждан, - тех, кто обвиняется в совершении уголовного преступления, находится под следствием или уже предстал перед судом.

Понятие «объективная истина» подразумевает возможность существования такого знания о совершенном деянии, которое в полной мере отражает действительность и при этом не зависит от человека, выносящего суждение, что истинно, а что ложно. Многие юристы считают, что в процессе судопроизводства невозможно выяснить такого рода истину, то есть в точности установить, каковы на самом деле были обстоятельства совершения преступления. Более того, задача суда состоит вовсе не в этом. Роль судьи – внимательно выслушать все доводы сторон – обвинения и защиты, оценить их убедительность, и вынести решение, исходя из собственного разума, опыта, моральных принципов и опираясь на статьи Уголовного кодекса. В случае, если приведенные стороной обвинения доказательства вины подсудимого окажутся, на взгляд судьи, недостаточными, то он должен оправдать человека. Таким образом, судья выступает в процессе как нейтральная сторона, объективно и беспристрастно изучающая доводы защиты и обвинения. В этом и заключается принцип *состязательности* процесса судопроизводства, который заложен в современном уголовно-процессуальном законодательстве большинства стран и успешно там работает. По мнению следственного комитета России, для нас этот принцип в чистом виде не подходит, и его следует подкорректировать, введя так называемую «сбалансированную состязательность». В результате, в Государственной думе родился соответствующий законопроект, который недавно обсуждался в Общественной палате Российской Федерации. Среди юридического сообщества законопроект имеет как своих сторонников, так и тех, кто не согласен с такой концепцией. Отвечая на претензии оппонентов этого нововведения, депутат Государственной Думы Александр Ремезков, в частности, сказал:

Нас упрекают в том, что законопроект противоречит Конституции Российской Федерации, якобы ограничивая состязательность, презумпцию невиновности и базовые принципы демократического уголовного процесса. Хотел бы успокоить всех тех, кто... в том числе общественность, и сказать, что это в общем-то не так. Ну, например, состязательность. Мы абсолютно не собираемся отменять состязательность. Как раз наоборот. Речь идет о совершенствовании этого принципа с учетом российских традиций уголовного судопроизводства, в соответствии с которым приговор по уголовному делу назначается с учетом действительных, истинных обстоятельств совершенного преступления. А не... подчеркиваю ..не ораторского мастерства сторон. Мне кажется, что состязательность, в этом случае только выигрывает. Ведь по сути взамен состязательности с пассивной роли суда предлагается модель так называемой «сбалансированной» состязательности, когда судья, в случае недостаточности имеющихся доказательств, будет проявлять активность

для выяснения подлинных обстоятельств дела именно для того, чтобы вынести справедливое итоговое решение.

По мнению разработчиков, законопроект даст возможность судье при недостатке предъявленных сторонами сведений, получить все необходимые доказательства для формирования собственного внутреннего убеждения и вынести обоснованный приговор. Таким образом, будет обеспечена справедливость правосудия, которая так востребована в российском обществе. Авторы законопроекта также уверены, что он повышает шансы подсудимого защитить свои интересы, поскольку сторона обвинения в нашем уголовном судопроизводстве изначально находится в более выгодном положении. У микрофона заместитель председателя Комитета Государственной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Александр Ремезков:

В силу особенностей российского уголовного судопроизводства сторона обвинения на судебной стадии изначально ставится в более выгодное, на наш взгляд, положение, по сравнению со стороной защиты, так как она обладает всей полнотой доказательной базы, собранной на стадии предварительного следствия. Сторона же защиты на этом этапе только начинает искать оправдательные доказательства, и если подсудимому назначен бесплатный адвокат, который не проявляет, как правило, активности, а сам подсудимый не обладает юридическими знаниями, то обеспечить надлежащую защиту и собрать доказательства своей невиновности ему практически невозможно.

Признание, прозвучавшее из уст депутата Государственной думы, заставляет еще раз задуматься о качестве российского правосудия. Ведь доля дел, которые рассматриваются в наших судах с участием адвокатов по назначению, составляет 80 процентов. Кроме того, сомнение вызывает и тезис о недостаточности доказательств невиновности подсудимого, и то, что суд может и должен проявлять инициативу в поисках таких доказательств. У микрофона президент адвокатской палаты Москвы, член Общественной палаты РФ, адвокат Генри Резник:

Суд не может направить дело на доследование по мотивам неполноты. Почему? Потому что это будет уже вопиющее нарушение принципа состязательности, который – принцип конституционный. Потому что ... неполноты оправдательных доказательств, по определению, быть не может. Потому что неполнота оправдательных доказательств означает неполноту обвинительных доказательств. В силу презумпции невиновности, невиновность не надо доказывать. Она признается таковой, и обязанность доказывания нельзя возлагать...невиновности... ни на кого, ни на защитника, ни на суд.

Авторы законопроекта, по мнению эксперта, хотят восстановить институт направления дела на доследование по мотивам неполноты доказательств. Такой институт существовал в советском уголовном процессе, который не был состязательным, в нем не было презумпции невиновности, и при этом сам суд выполнял функцию обвинения. Продолжает адвокат Генри Резник:

Если дать возможность суду восполнять недостатки предварительного следствия, это будет восполнение именно доказательств обвинения. Потому что в силу презумпции невиновности, если обвинение не доказано, суд обязан вынести оправдательный приговор. Вот, собственно говоря, какая модель...И это забота не о защите. Это сейчас фактически, опять де юре введение суда вот в эту единую колесницу из оперативных органов, из следователя, прокурора и суда. Что и было в советском уголовном процессе, одни и те же задачи ставились перед всеми вот этими органами.

Наиболее полно требование установления объективной истины было реализовано в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года. Этот кодекс, в целях обеспечения «полноты, объективности и всесторонности», позволял судье не только собирать доказательства и восполнять пробелы в доказательной базе, но даже фактически возлагать на суд функцию уголовного преследования и продолжать производство по делу даже в условиях, когда прокурор отказывался от обвинения. Сегодня следственный комитет Российской Федерации, автор и горячий сторонник этого законопроекта, заявляет, что такой возврат к старому создаст условия, которые позволят смягчить обвинительный уклон российского правосудия, поскольку превратят сегодняшнее «розыскное» следствие в исследование. Такой аргумент вызывает у оппонентов вполне оправданный скептицизм. У микрофона адвокат Генри Резник:

Очень хотелось бы считать следователя – исследователем. Но с того момента, в какой-то степени еще до того момента, как появляется конкретный обвиняемый, можно сказать, следователь.. он разные версии исследует, но, интересно, субъект, который предъявляет обвинение, составляет обвинительный акт, он что, исследователь? Это как в исследовательской лаборатории, да? Субъект, который предъявляет обвинение... Можно изменить концепцию предварительного следствия... может быть это и нужно. Потому что это вызовет затраты... вернуться к модели российской, при царе батюшке, ввести судебного следователя, но, извините, это изменение всей конструкции, абсолютно потому что... тот субъект, который предъявляет обвинение и составляет обвинительный акт, он обвинитель и никак иначе.

Сергей Пашин, федеральный судья в отставке и член президентского Совета по правам человека, в своей статье, опубликованной в газете The New Times, заметил: «Не прошло и двух тысячелетий, а выходцы из прокуратуры нашли ответ на знаменитый вопрос прокуратора Понтия Пилата: «Что есть истина?» Если верить законопроекту, выношенному в недрах Следственного комитета РФ, - пишет Сергей Пашин, - истина — это когда суд восполняет огрехи следствия, а при особо вопиющих пороках уголовного дела возвращает его прокурору для производства дополнительного расследования.»

В пояснительной записке к законопроекту презумпция невиновности называется «фикцией» и утверждается, будто принцип состязательности противоречит «традиционному российскому уголовному процессу». Сергей Пашин напоминает, что наша прокуратура (а значит, и отколовшийся от нее следственный комитет РФ) возводит свою родословную к временам Петра I и видит в его денщике, а потом генерал-прокуроре Павле Ягужинском, своего родоначальника. Действительно, в XVIII веке в Тайной канцелярии, не покладая рук искали истину. Она была «объективная», то есть подлинная и подноготная, ибо добывалась в застенке под «длинником» (кнутом) и исторгалась иголками, которые заколачивали под ногти».

В то же время, истинная российская традиция, не имеет ничего общего с абсолютизмом, диктатурой и мучительством под предлогом добывания «объективной истины». Она проистекает из Русской правды XI века, находит свое завершение в Судебных уставах 1864 года. Краеугольные камни нашей традиции права, прерванной в 1917 году, — это презумпция невиновности, состязательность, суд с участием представителей народа, в котором предоставляются «каждому подсудимому всевозможные средства к

оправданию». Таково мнение члена Московской Хельсинкской группы, заслуженного юриста России Сергея Пашина.

Эксперты считают, что введение института установления объективной истины по уголовному делу практически лишит всякой возможности для обвиняемых получить оправдательный приговор. Если на пике сталинских репрессий в 1938 году доля оправдательных приговоров составляла 13,4%, то в последние 30 лет она не поднималась выше одного процента. За исключением лишь прошлого года, когда, по сведениям Верховного суда России, оправдательные приговоры достигли 4,5% от общего числа. Введение понятия объективной истины в уголовно-процессуальное законодательство может иметь далеко идущие последствия и для авторитета России в международном сообществе. По мнению члена президентского Совета по правам человека Павла Чикова, это может привести к исключению России из Совета Европы и к выходу из-под юрисдикции Европейского суда по правам человека.